

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 167–176.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 3 (80). P. 167–176.

Научная статья
УДК 130.1
doi: 10.54398/1818-510X.2024.80.3.017

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ

Петриковская Елена Сергеевна

Институт философии РАН, г. Москва, Россия
lenape.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9790-6340>

Аннотация. Целью данной работы является экспликация смысла конвергенции философской антропологии и практической философии, отслеживаемая в европейской философии начиная с эпохи Модерна. Раскрытие важных аспектов их взаимодействия позволяет вернуть дискурсу о практике антропологическую соотнесённость. Философская антропология рассматривается в статье как одна из традиций изучения человека, обратившая на себя внимание главным образом в XX в. Предложенный в статье подход позволяет уточнить дисциплинарный статус философской антропологии в системе философского знания. Решение этой задачи осуществляется на материале немецкого проекта философской антропологии (И. Кант, М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, К. Вульф, О. Марквардт). Проанализированы связи антропологии и этики, особенности философско-антропологической и морально-этической концептуализации практики. Обосновывается, что переосмысление идеи философской антропологии позволяет вновь ввести кантианскую точку зрения, результаты которой признаются «поворотными». Отмечается, что Кант сделал важный шаг к «антропологическому режиму философии» как к такому модусу философского мышления, который ищет возможность обоснования всеобщей значимости через исследования фактичности человеческого сосуществования. Таким образом выясняется, что проблема онтологического фундамента практической философии получает новый импульс для обсуждения. Делается вывод о целесообразности пересмотра ряда стереотипов в отношении антропологии Канта. Сделанные выводы способствуют уточнению смысла «практического поворота» в философии и науках.

Ключевые слова: философская антропология, практическая философия, этика, природа человека, прагматическая антропология Канта, антропологический поворот, практический поворот, теория и практика, Просвещение, постметафизическая философия

Для цитирования: Петриковская Е. С. Философско-антропологическая концептуализация практики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3 (80). С. 167–176. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.017>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

CONCEPTUALIZATION OF PRACTICE IN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Elena S. Petrikovskaya

Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russia
lenape.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9790-6340>

Abstract. The purpose of this paper is to explicate the meaning of the convergence of philosophical anthropology and practical philosophy, starting from the Modern era. Disclosing important aspects of their interaction allows us to return the anthropological correlation to the discourse on practice. Philosophical anthropology is considered in the article as one of the traditions of studying man, which attracted attention mainly in the twentieth century. The approach proposed in the article allows us to clarify the disciplinary status of philosophical anthropology in the system of philosophical knowledge. This problem is solved using the material of the German project of philosophical anthropology (I. Kant, M. Scheler, H. Plessner, A. Gehlen, K. Wulf, O. Marquardt). The connections between anthropology and ethics, the features of the philosophical-anthropological and moral-ethical conceptualization of practice are analyzed. It is substantiated that rethinking the idea of philosophical

anthropology allows us to reintroduce the Kantian point of view, the results of which are recognized as “turning points”. It is noted that Kant made an important step towards the “anthropological regime of philosophy” as a mode of philosophical thinking that seeks the possibility of substantiating universal significance through research into the factuality of human coexistence. Thus, it turns out that the problem of the ontological foundation of practical philosophy receives a new impetus for discussion. A conclusion is made about the advisability of revising a number of stereotypes regarding Kant's anthropology. The conclusions made help clarify the meaning of the “practical turn” in philosophy and science.

Keywords: philosophical anthropology, practical philosophy, ethics, human nature, Kant's pragmatic anthropology, anthropological turn, practical turn, theory and practice, Enlightenment, post-metaphysical philosophy

For citation: Petrikovskaya E. S. Conceptualization of Practice in Philosophical Anthropology. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 3 (80), pp. 167–176. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.80.3.017>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Реабилитация и трансформация идеи практической философии происходит на наших глазах [15]. Проблема практики в настоящий момент носит открытый характер и настоятельно требует новых методологических подходов к её решению. Начиная с античности, праксис в философии рассматривается как осуществление полноты бытия, как деятельное осуществление жизни. Любая практическая философия включает определённые онтологические допущения, позволяющие очертить сущность и границы практического как такового, морального действия, блага, смысла человеческой жизни. Современная практическая философия представлена в феноменологическом, постмарксистском и прагматическом вариантах.

Не все философские методологии признают практику в качестве фундаментальной философской проблемы. В современной философии в приоритете конструирование онтологий, к которым добавляются представления о практике как деятельности по их реализации, что конкретизирует готовые онтологии. Но есть другой подход к практике, идущий от Платона и реализованный в дальнейшем в немецкой философской антропологии И. Канта, М. Шелера, Н. Гартмана и др. В его основе лежит идея о присутствии предварительного понимания практического (отношения к миру, действия, знания, блага) в исходных онтологических принципах. Дискуссия на этот счёт продолжается. Об отсутствии удовлетворительной концепции практической философии пишут все, кто занимается этой темой [10, с. 321–325; 1, с. 5–10, 10–21, 145–152, 209–211].

Цель данной работы – выявить, как решается эта проблема в философской антропологии, для чего мы, во-первых, выясним, действительно ли на всех этапах своего формирования она была органично связана с практической философией; во-вторых, узнаем, каким именно образом философская антропология как сфера исследований в круг своих проблем и тем включает практику. Надо сказать, что эта взаимосвязь не лежит на поверхности, необходимо провести анализ, чтобы её эксплицировать. Об актуальности такого исследования свидетельствуют трудности с пониманием «прагматической антропологии» Канта. Кант строит новый смысл практического, определяет его примат в философии, и оставляет большую неопределённость в вопросе о приоритетной роли антропологии перед другими практическими науками, называя прагматическим антропологическое исследование, которое изучает переход законов разума к опыту. При этом кантианская точка зрения оставляет незываемыми права разума или умозрительного принципа. Разобраться с этими вопросами необходимо, поскольку кантианская точка зрения оказала значительное влияние на способы концептуализации антропологии в XX и XXI вв.

Традиция философской антропологии в Германии представлена целой плеядой оригинальных мыслителей (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, К. Ясперс, Э. Кассирер, Э. Ротхакер, А. Портман, Г. Э. Хенгстенберг, М. Ландман, Х. Арендт, Ю. Хабермас,

Д. Кампер, К. Вульф, О. Марквардт), развивавших её как академическую дисциплину в духе Канта. Не имея возможности в рамках статьи рассмотреть и проанализировать подробно все этапы конвергенции философской антропологии и практической философии и весь круг авторов, имеющих отношение к делу, автор сосредоточился на компаративном анализе философско-антропологической и морально-этической концептуализации практики. Развитие идей Канта в XX в. показано на основе анализа работ Х. Плеснера и А. Гелена. Это позволило эксплицировать понимание практики в немецком проекте философской антропологии, идущем от Канта.

Основная часть

От разумных существ к людям: время антропологии

До сих пор историки философии приучили нас игнорировать антропологическую тему в философии Канта, а его практическую философию отождествлять с этикой. «У Канта практическая философия как “моральное исследование” призвана положить пределы как любым попыткам искать природных, эмпирических мотивов для подлинно моральной воли, так и стремлениям проникнуть в конституцию того интеллигибельного мира, который “фундирует” свободу» [15, с. 64]. Но Кант «в последние годы своей жизни умерил пафос редукции практической философии к чистой индивидуальной этике» [15, с. 210]. «Рациональная антропология», построенная на основе кантианского подхода, сегодня фигурирует наряду с другими философскими методологиями и вдохновляет как практическая философия [22, р. 187–210]. Вопрос о том, каким образом Канту и кантианцам удаётся сочетать этический идеализм и практическую идею, данную в конкретной действительности, учитывающую субъективные цели и особенности человеческой природы, не просто привлекает внимание, а вызывает устойчивый интерес [14; 18; 20–24].

Рассмотрим, как расставлены акценты в работах последних лет. Осуществлённый ниже анализ исследований является для автора важным, поскольку подтверждает начавшееся переосмысление практики в свете развиваемых в философской антропологии идей. Согласно новым подходам, антропология не является всего лишь популярным введением в философию Канта. Кант разрабатывал проект антропологии на протяжении многих лет (с 1770 по 1798 г. в рамках чтения курса «Антропология») параллельно с «Критиками». В «Антропологии» общая система способностей души становилась объектом эмпирического анализа, а в «Критиках» – трансцендентального. Кант оставил большую неопределённость в вопросе о приоритетной роли антропологии перед другими практическими науками. Название «практическая антропология» обозначала у него дисциплину чистой практической философии в отличие от «теоретической антропологии» – дисциплины рационального природоведения, рассматривающей человека как существо природы [15, с. 192]. Практическая антропология мыслится Кантом в контексте метафизики нравственности, изучает правила практического применения разума, которые становятся необходимой дисциплиной чистого разума. Важная роль и очевидная польза практической антропологии состоит в том, что основоположения чистого разума проверяются здесь критерием опыта.

Следуя такой интерпретации, можно увидеть в прагматической антропологии Канта прообраз современной философской антропологии. Вставшая на этот путь философия более активно взаимодействует с нефилософскими дискурсами, обращена к конкретному опыту человеческого существования, однако отличается от науки (эмпирической психологии и антропологии). В отличие от науки прагматическая антропология объясняет человеческие действия в терминах намерений и целей, а не естественных причин. Кант руководствуется «повседневной феноменологией чувственного опыта» [20, р. 39] своей аудиторией и использует научную психологическую теорию для её объяснения и реализации своей прагматической цели.

Слово «прагматический» отсылает к «знанию мира» о том, что человек «как свободно действующее существо делает из себя, или может и должен сделать из себя», о человеке как о «гражданине мира» [6, с. 3–4]. Тем самым он наделяет антропологию универсальной ролью и определяет как центральную часть философии.

Когда мы говорим о роли антропологии в работах Канта, мы не должны забывать, что он разделял веру Просвещения в то, что познание человека приведёт к общественному прогрессу и благу. Суть эпохи философ выразил так: человек своим чистым практическим разумом определён к тому, чтобы «быть в общении с людьми и в этом общении с помощью искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность» [6, с. 435–436]. Применение моральных законов к единичным случаям и их «привязка» к воле личности требуют «изошрённой опытом способности суждения» [5, с. 45; 6, с. 291–292]. Отсюда актуальность рациональной антропологии.

О. Марквард выводит немецкую философскую антропологию за пределы общеевропейского просветительского контекста, противопоставляя её как разновидность «школьной философии» метафизического направления британской школе «морального чувства» как альтернативной стратегии изучения человеческой природы (А. Шефтсбери, Ф. Хатченсон, Д. Юм). Последняя, с его точки зрения, носит открытый характер для прикладного, гражданского использования в отличие от доктринального характера исследований и выводов философской антропологии. Гуманитарные науки («науки о духе»), появившиеся в середине XIX в., Марквард считает своеобразным немецким аналогом моралистики [25; 26, р. 55–59]. Схожая оценка дана в работе немецкого философа К. Вульфа, который считал, что философская антропология немецкой школы «упускает из виду историческое и культурное многообразие людей», что следует из присущего ей стремления «развить некую единую цельную концепцию человека, без учёта изобилия форм жизни человека» [2, с. 114]. Исследование этих форм он связывает с исторической и культурной антропологиями. Нам ближе позиция А. Лоя, который полагает, что нет смысла и необходимости противопоставлять немецкую философскую антропологию и британскую моралистику [11, с. 69]. Они формировались как академические дисциплины, одновременно оценочные, т. е. ориентирующие людей в том, как им следует действовать, и описательные, стремящиеся познать то, как люди действительно действуют. Антропологические сюжеты служили прелюдией к философским размышлениям о государстве, праве, справедливости, причём философско-антропологическая составляющая настолько органично вращалась в практическую философию, что до определённого времени не требовала отдельной номинации. Последние два столетия показали, что немецкая философская антропология развивалась в тесном контакте с «науками о человеке» [27, р. 175–179].

Поворот к антропологии в философии означал поиск новых подходов к онтологии человеческого существования. В дискуссии вокруг антропологии приняли участие важные направления современной мысли. Прослеживается расхождение между критикой антропологии и реальным использованием антропологической рефлексии как метода исследования. Так, убеждённый противник переориентации философии на антропологический способ мышления Мартин Хайдеггер – по сути, создатель фундаментальной антропологии [13, с. 34–48], хотя сам философ предостерегал от превратного толкования своего проекта как некоторой философской антропологии, т. к. анализ способов человеческого бытия не являлся для него целью. Известный канадский философ Чарльз Тейлор отмечает заслугу хайдеггеровской экзистенциальной аналитики в создании новой картины познающего агента с помощью понятий «вовлечённое участие» и «фон». «Намерение Хайдеггера совершенно не в том, чтобы напомнить нам, что значит жить в мире на повседневном уровне. Его цель состоит в том, чтобы показать, что схватывание вещей как нейтральных объектов является только одной из наших возможностей на фоне способа бытия в мире, в котором вещи раскрываются как подручные. Нейтральное схватывание вещей требует модификации нашей позиции по отношению к ним, которая на фундаментальном уровне должна быть позицией вовлечённости» [19, с. 320]. В экзистенциальной аналитике Тейлор видит силу, которая существенна для борьбы с властью отстранённого понимания участия человека в культуре.

Бытийная укоренённость в реальной жизни может быть раскрыта с помощью герменевтики фактичности человеческого существования. Её задача – деконструировать трактовку человека как объекта индифферентной теории и на её месте учредить

бытие человека как специально принимаемое на себя умение быть [4, с. 45–54]. Начинание Хайдеггера, несомненно, обновляет понимание практического. Это становится возможным, когда вместо гуссерлевской неисторичной, незаинтересованной субъективности отправным пунктом феноменологии становится заинтересованность в бытии, причём в собственном. Как предмет «практичный» человеческое бытие немислимо без наших представлений о нём, поэтому понимание человеческого бытия является одним из его конституирующих моментов.

Пробуждение философии от «спекулятивного сна» («акцент на открытости человека бытию, на вовлечённости его сознания в бытие, на историчности человеческого существа, его сопряжённости с бытием других людей и в конечном счёте его неопределённости» [9, с. 7]) создало благоприятные условия для изучения человека, вывело антропологическую тему на более грамотный уровень её рассмотрения. Тем самым были созданы предпосылки для усиления влияния философии на методологию современных гуманитарных исследований. Новые языки описания социальной, культурной и другой реальности, связанные с переоценкой роли сознания в анализе человеческого действия, привели к формированию практической парадигмы в постметафизической философии [1, с. 5].

Имеет смысл вернуться к аргументам Х. Плеснера и А. Гелена, чьи концепции философской антропологии создавались с чётким осознанием новой познавательной ситуации и активным её освоением. Необходимость новой философской антропологии, с их точки зрения, вызвана теми изменениями, которые произошли на рубеже веков в области психологии (психоанализ), социологии (социология культуры), биологии, медицине, истории духа и, прежде всего, в методологии философских исследований (философия жизни, феноменология). Особую роль Плеснер отводит М. Шелеру, «чьи бесспорные открытия в проблематике эмоций, в исследовании законов личностных структур и структурных взаимосвязей личности и мира принадлежат к тематическому фонду философской биологии и антропологии» [12, с. 8]. В отличие от Шелера Плеснер отказывается рассматривать «феноменологию в качестве исследовательской установки, обеспечивающей надёжные основоположения», поскольку феноменологическое исследование нуждается «в определённом методическом руководстве, которое не может быть почерпнуто ни из эмпирии, ни из метафизики» [12]. Гуссерль редуцирует реальность человека к сознанию, «превращает сознание в горизонт трансцендентального конституирования любого возможного феномена, в том числе и человека, и тем самым вновь склоняется к трансцендентально-идеалистической установке» [12, с. 12]. Между тем «история духа, культурная и политическая история превращаются в пространство человеческого самопознания, и, таким образом, уже в опыте, а не в умозраительной системе, происходит бесконечная смена форм человеческого самопознания и истолкования жизни. Задача философии заключается в том, чтобы вновь осмыслить сам этот процесс понимания и тем самым придать самосознанию жизни объективный характер» [12, с. 41]. В свете этой задачи перед философией открываются новые проблемы и необходимость «заново переосмыслить весь свой инструментарий» [12]. Философия и историографические работы В. Дильтея для Плеснера – существенный источник той новой постановки проблем, которую принесла с собой философская антропология.

Поворот к проблематике действия осуществил в своей антропологии А. Гелен. Его философская концепция противостоит трансцендентально-рефлексивным подходам неокантианства и феноменологии, в значительной мере опирается на философию жизни, в рамках антропологии стремится дать анализ фактического человека. Тезис о человеке как живом существе, которое активно взаимодействует со своим окружением, формируется в сфере практической жизнедеятельности, о недостаточности, неспециализированности, бесформенности человека дополняется учением о конституировании, в котором важное место занимает методология. «Новая философская антропология» призвана преодолеть недостатки, с одной стороны, спиритуализма, который утверждает исконную фактичность духа, духовности, сознания и т. д., объявляя бессмысленным вопрос о принципах её конституирования, с другой стороны, голого

эмпиризма. Философская антропология, говоря словами Гелена, «включает в себя попытку делать высказывания о человеке как целом, пользуясь материалом этих отдельных наук и выходя за их пределы» [3, с. 157].

В XX в. новых подходов требует проблема Я, проблема сознания, проблема осуществления свободы. А ещё проблема двухаспектности человека, анализ которой выявляет конструктивный характер оппозиции внутреннего и внешнего, телесного и духовного, чувственного и рационального. «Каждое поколение оказывается в плену образа, создаваемого современной ему философией; отныне же её задача – привести современного человека к познанию и освободить от чар» [12, с. 26].

Каковы же достоинства рассмотрения проблемы человека в ракурсе действия? Такой ракурс позволяет двигаться дальше в сторону преодоления дуализма философии лишь как наукоучения и философии как свободного осмысления жизни, что в полной мере осознали Ницше и Дильтей; означает возвращение понятию праксиса соотнесённости с человеком. «Посредством методического поворота, упраздняющего традиционное ограничение познания кругом *онтического* и противопоставившего онтическому историчность духовной жизни, Дильтей пытается связать между собой философию и эмпирию» [12, с. 40]. Философское значение обоснования наук о духе Дильтеем – открытие эмпирического понятия культуры, устанавливаются феномены человеческой жизни, которые не относятся ни к природе, ни к душе. Целью своей Плеснер считает «преобразование философии в аспекте обоснования жизненного опыта в контексте наук о культуре и мировой истории» [12, с. 47]. В реальности опыта человеческой жизни уже осуществляется (неведомым нам до сих пор образом) примирение естественнонаучного и гуманитарного взгляда на мир; оно удастся только в том случае, если выйдет за пределы той сферы, где эта противоположность возникла. Ключевая проблема сохранения одного фундаментального аспекта в рассмотрении человека; стремление к единому охвату многообразной реальности человека решается с опорой на Канта [12, с. 49, 323–324].

Как было показано выше, Кант строит новый смысл «практического», называя «прагматическим» антропологическое исследование, которое изучает переход законов разума к опыту. При этом кантианская точка зрения оставляет неизменными права разума или умозрительного принципа. Нам представляется, что немецкие философы продолжают эту линию в поисках возможности обоснования всеобщей значимости через исследования фактичности человеческого существования. Они продолжают традицию Канта в том смысле, что дополняют философию антропологией, т. е. сближают трансцендентальное и эмпирическое. Отсюда такую важность для философов-антропологов имеет становление социальных и гуманитарных наук, в рамках которых основанные на разуме принципы вступают во взаимодействие с эмпирической реальностью человеческого существования.

Антропология и этика

Кант попробовал примирить антропологию и этику, однако впоследствии в философии антропология не только не заменила этику, но стала предметом постоянной критики со стороны последней. «Схождение этих философских дисциплин вторичны, их расхождение первично и (потому) постоянно возобновляется»; для этики «человек не столько уже есть, сколько перманентно ещё должен быть» [16, с. 8], а антропология занимается эмпирией.

Серьёзное возражение, выдвинутое против Канта, не позволяющее признавать его антропологию, состояло в его непоследовательности. «Как, однако, всякая философия может быть антропологией, если чистый практический разум выдвигает априорные притязания, которые выходят за пределы существования эмпирической природы человека, остаётся неясным» [7]. Использование антропологии и различных эмпирических обстоятельств противоречит приверженности трансцендентальной свободе, на которой Кант основывает свою этику. Это конфликт между основным принципом свободы Канта и множеством постулатов и рекомендаций, связанных с «эмпирическим Я», которые он делает в своих моральных трудах. Свобода воли находится за пределами всякой эмпирической причинности, на неё не могут влиять эмпирические факторы. В противном

случае нарушается «асимметрия» между ноуменальным и эмпирическим Я, которая должна сохраняться, учитывая преданность Канта свободе [21].

В этике моральное действие – образец «чистого» практического действия, осуществляющегося на основе разума. Мыслители-антропологи изучают социальную этику реальных отношений, рассматривают мораль с точки зрения действия и институтов. Дискуссии о философии практического разума сегодня ведутся в новых для этики условиях. Она утрачивает право лидерства в практической философии, когда на место моральности встаёт историчность восприятия и переживания «жизненного мира» (О. Марквард), рефлексия собственной историчности (Д. Кампер, К. Вульф) или «коммуникативная рациональность» (Ю. Хабермас). Для антрополога ни одна из модальностей действия не имеет преимущества и не может претендовать на первенство в практической философии. Как пишет А. Лой, «даже Кант, который отдавал преимущество моральному разуму, чётко осознавал, что для выхода в сферу практической жизнедеятельности, где формируются мир и человек, недостаточно этики, поскольку за границами морали и технично-практического разума существует широкий простор прагматики, публичности, здравого смысла, без которых трудно представить политику, искусство, религию, культуру» [11, с. 71].

Отсюда следует, что антропология не может быть редуцирована к этике. В этом отношении любопытен опыт марбургского неокантианства, представители которого склонялись к отождествлению учения о человеке с этикой, но вместе с тем сделали важный шаг в сторону философской антропологии. Этому не помешала приверженность идее трансцендентальной субъективности как инстанции идеальной значимости, которую Г. Коген и В. Виндельбанд резко отделили от фактического протекания процессов и актов сознания, изучаемых психологией.

З. А. Сокулер в своих работах доказывает, что неокантианцы и их последователи приняли активное участие в пересмотре классического понятия познающего субъекта. Размышляя о концепции философии Канта, представленной в первой работе Когена «Теории опыта Канта» (1871 г.), она отмечает значение «встречи с «другим», «сопротивляющимся». Таким образом, «перед нами начинает вырисовываться “сверхзадача” когеновской интерпретации Канта. Его “панметодизм” становится в конечном счёте основой для философского осмысления места и назначения человека в мире посредством ограничения спекулятивных претензий разума» [17].

Отказ абстрагироваться от бытия мыслящего субъекта, а также отказ от моделирования понятия познающего субъекта по образцу понятия Бога можно расценить как теоцентрическую ориентацию мышления Когена. Но важно отметить, что в рамках этой ориентации активно представлена рефлексия отношений между Я и Другим, в которые бог не вмешивается. Открытие в другом человеке Ты привносит новую проблему в понятие человека. Ты нельзя рассматривать как ещё один абстрактный экземпляр Я. Для Я открытие Ты создаёт возможность впервые осознать своё Я.

С отказом рассматривать субъекта как данность и завершённость в неокантианскую философию входит историзм. Когену важно не вдаваться в детали изолированной самости, но связать её не только с Другим, но с различными сообществами и также со всем человечеством. В результате проявляются такие стороны бытия человека, которые не уместаются в этику [8, с. 46]. Этика противоположна всему чувственному и эмпирическому и позволяет человеку преодолеть своё индивидуальное Я до Я человечества. Страдания другого превращают этого другого для нас из Он в Ты. «Весь вопрос заключается в том, в состоянии ли этика открыть нам ... “ты”. Тем, что этика должна нам дать всеобщность всех “я” рода человеческого, задача “ты”, правда, признаётся, но всё же всеобщностью не решается. Раскрытие “ты” есть дело религии» [8, с. 47]; «Этика... “я” нейтрализует для объективности. Можно ли оставаться при одном этом нейтралитете? Разве уж организм с обменом веществ для “я” просто безразличен? Ведь связь нравственной задачи с чувственными условиями неоспорима?»; «Когда же встаёт вопрос о том, что нужно сделать, чтобы устранить страдание, то этика окажется беспомощной. Она станет прагматически недостаточной. Дальше полезной иллюзии она в сострадании пойти не сможет» [8, с. 47].

Философия, которая решается говорить о человеке с «прагматической точки зрения», кардинально меняется. Для решения этой задачи этики оказывается недостаточно.

Выводы

Мы рассмотрели восходящую к Канту традицию философской антропологии с целью раскрыть значение практического дискурса в её построениях. Антропологические работы Канта раскрывают другую сторону его философии, которой внутренне присуща ориентация на практику. Кант сделал важный шаг к «антропологическому режиму философии» как к такому модусу философского мышления, который ищет возможность обоснования всеобщей значимости через исследования фактичности человеческого сосуществования. Проблема онтологического фундамента практической философии тем самым не разрешается, но получает новый импульс для обсуждения.

Вставшая на путь прагматики в кантианском смысле слова философия более активно взаимодействует с нефилософскими дискурсами, обращена к человеческому бытию в его индивидуальности и конкретности. проведённое исследование позволяет выявить тесную связь между «антропологическим» и «практическим» поворотами. Их объединяет взаимодействие философии с не-философией, понимание практики как базовой универсалии человеческого существования, решение проблем через обращение к сфере действия.

Происходящая трансформация теоретических принципов философии, обозначенная как «поворот к практике», требует от мысли контекстуализации, укоренения в структуры, связи и отношения фактического опыта, интереса к разнообразию человеческой мысли, взаимодействия с другими видами знания. Содержательно философская антропология нацелена на осмысление основоположных философско-методологических и онтологических ситуаций, которые связаны с установкой постметафизической философии на «воплощение трансцендентального субъекта».

Список литературы

1. Борисов, Е. Практический поворот в постметафизической философии / Е. Борисов, И. Инишев, В. Фурс. – Вильнюс : Европейский гуманит. ун-т, 2008. – Т. 1. – 212 с.
2. Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф ; пер. с нем. Г. Хайдаровой. – Санкт-Петербург : С.-Петербургский ун-т, 2007. – 269 с.
3. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 151–201.
4. Гронден, Ж. Герменевтика фактичности как онтологическая деструкция и критика идеологии. К актуальности герменевтики Хайдеггера / Ж. Гронден // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. – Минск : Европейский гуманит. ун-т, 2001. – С. 45–54.
5. Кант, И. Основоположения к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. – Москва : Московский философский фонд, 1997. – Т. 3 / подгот. к изд. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. – С. 39–276.
6. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант ; пер. Н. М. Соколова. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 471 с.
7. Клемме, Х. Ф. Понятие антропологии в философии И. Канта / Х. Ф. Клемме ; пер. с нем. А. Ю. Шачиной и С. В. Шачина. – URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/114/xeixlkcgrafy.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
8. Коген, Г. «Религия разума из источников иудаизма» (Конспект) // М. Каган. О ходе истории / сост. В. Л. Махлин. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 45–92.
9. Методология науки и антропология / отв. ред. О. И. Генисаретский, А. П. Огурцов. – Москва : Ин-т философии РАН, 2012. – 287 с.
10. Огурцов, А. П. Практика / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 321–325.
11. Основи практичної філософії / А. М. Лой, А. О. Баумейстер, Т. І. Яшук та ін. – Київ : Київський університет, 2011. – 531 с.
12. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер ; пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 368 с.
13. Подорога, В. А. «Фундаментальная антропология» М. Хайдеггера / В. А. Подорога // Буржуазная антропология XX в. / отв. ред. Б. Т. Григорьян. – Москва : Наука, 1986. – С. 34–48.
14. Поло, Л. Проект трансцендентальной антропологии / Л. Поло, Г. В. Вдовина // История философии. – 2016. – Т. 21, № 2. – С. 147–162.

15. Практическая и прикладная философия / отв. ред. А. А. Гусейнов. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 326 с.
16. Смирнов, И. П. Человек человеку – философ / И. П. Смирнов. – Санкт-Петербург : Алтейя, 1999. – 284 с.
17. Сокулер, З. А. Герман Коген как актуальный мыслитель. Размышляя над книгой: Коген Г. Теория опыта Канта / З. А. Сокулер // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 154–164.
18. Судаков, А. К. Антропологические предпосылки кантовской этикотеологии / А. К. Судаков // Философия религии: аналитические исследования. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 75–98. – doi: 10.21146/2587-683X-2023-7-1-75-98.
19. Тейлор, Ч. Вовлечённое участие и фон у Хайдеггера / Ч. Тейлор // Мартин Хайдеггер / сост. Д. Ю. Дорофеев. – Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитар. акад., 2004. – С. 302–322.
20. Cohen, A. Kant's Lectures on Anthropology: a Critical Guide / ed. by A. Cohen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – 270 p. – doi: 10.1017/CBO9781139176170.
21. Frierson, P. R. Freedom and Anthropology in Kant's Moral Philosophy / P. R. Frierson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 222 p.
22. Hanna, R. Life-changing Metaphysics: Rational Anthropology and its Kantian Methodology / R. Hanna // The Cambridge Companion to Philosophical Methodology. Cambridge Companions to Philosophy / eds by G. D'Oro, S. Overgaard. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – P. 187–210.
23. Kristi, E. Sweet. Kant on Practical Life: From Duty to History / E. Kristi. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 223 p.
24. Louden, R. B. Kant's Impure Ethics: From Rational Beings to Human Beings / R. B. Louden. – New York : Oxford University Press, 2000. – 272 p.
25. Marquard, O. Glück im Unglück. Philosophische Überlegungen / O. Marquard. – München : Wilhelm Fink, 2008. – 158 p.
26. Marquard, O. Kompensationstuechtigkeit. Ueberlegungen zur Unternehmensfuehrung im Jahr 2005 // O. Marquard // Philosophie des Stattdessen. – Stuttgart : Reclam, 2000. – P. 55–59.
27. Moss, L. Human Nature / L. Moss // The Cambridge Habermas Lexicon / ed. by Amy Allen, Eduardo Mendieta. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – P. 175–179.

References

1. Borisov, E., Inishev, I., Furs, V. *Prakticheskiy povorot v postmetafizicheskoy filosofii* [Practical Turn in Post-Metaphysical Philosophy]. Vilnius : European Humanitarian University; 2008, vol. 1, 212 p.
2. Wolf, K. *Antropologiya: Istoriya, kultura, filosofiya* [Anthropology: History, Culture, Philosophy]. St. Petersburg: St. Petersburg University; 2007, 269 p.
3. Gehlen, A. O sistematike antropologii [On the Systematics of Anthropology]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western philosophy]. Moscow: Progress; 1988, pp. 151–201.
4. Grondin, Zh. Germenevtika faktichnosti kak ontologicheskaya destruktivnaya i kritika ideologii. K aktualnosti germenevtiki Khaydeggera [Hermeneutics of Facticity as Ontological Destruction and Critique of Ideology. On the Relevance of Heidegger's Hermeneutics]. *Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoy germenevtike* [Studies in Phenomenology and Philosophical Hermeneutics]. Minsk: European Humanitarian University; 2001, pp. 45–54.
5. Kant, I. Osnovopolozheniya k metafizike нравов [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. *Kant I. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in German and Russian]. Moscow: Moscow Philosophical Foundation; 1997, vol. 3, pp. 39–276.
6. Kant, I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a Pragmatic Point of View]. St. Petersburg: Nauka; 2002, 471 p.
7. Klemme, Kh. F. *Ponyatie antropologii v filosofii I. Kanta* [The Concept of Anthropology in the Philosophy of I. Kant]. Available at: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/114/xeixlkcgrafy.pdf> (accessed: 18.03.2024).
8. Cogen, G. Religiya razuma iz istochnikov iudeistva (Konspekt) [Religion of Reason from the Sources of Judaism (Synopsis)]. *M. Kagan. O khode istorii* [On the course of history]. Ed. by V. L. Makhlin. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury; 2004, pp. 45–92.
9. *Metodologiya nauki i antropologiya* [Methodology of Science and Anthropology]. Ed. by O. I. Genisaretsky, A. P. Ogurtsov. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS; 2012, 287 p.
10. Ogurtsov, A. P. *Praktika* [Practice]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl; 2010, vol. 3, pp. 321–325.

11. *Osnovy praktichnoy filosofii* [Fundamentals of Practical Philosophy]. Ed. by A. M. Loy, A. O. Baumeister, T. I. Yashchuk. Kyiv: Kyiv University; 2011, 531 p.
12. Plessner, H. *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Levels of Organic Life and the Human: An Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow: ROSSPEN; 2004, 368 p.
13. Podoroga, V. A. “Fundamentalnaya antropologiya” M. Khaideggera [“Fundamental Anthropology” by M. Heidegger]. *Burzhuaznaya antropologiya XX veka* [Bourgeois anthropology of the twentieth century]. Ed. by B. T. Grigoryan. Moscow: Nauka; 1986, pp. 34–48.
14. Polo, L., Vdovina, G. V. Proekt transtsendentalnoy antropologii [Project of Transcendental Anthropology]. *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. 2016, vol. 21, no. 2, pp. 147–162.
15. *Prakticheskaya i prikladnaya filosofiya* [Practical and Applied Philosophy]. Ed. by A. A. Guseynov. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2024, 326 p.
16. Smirnov, I. P. *Chelovek cheloveku – filosof* [Man is a Philosopher to Man]. St. Petersburg: Aleteiya; 1999, 284 p.
17. Sokuler, Z. A. German Kogen kak aktualnyy myslitel. Razмышlyaya nad knigoy: Kogen G. Teoriya opyta Kanta [Herman Cohen as a current thinker. Reflecting on the Book: Cohen G. Kant’s Theory of Experience]. *Voprosy filosofii* [History of Philosophy]. 2013, no. 1, pp. 154–164.
18. Sudakov, A. K. Antropologicheskie predposylki kantovskoi etikoteologii [Anthropological Prerequisites of Kant’s Ethico-theology]. *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya* [Philosophy of religion: analytical studies], 2023, vol. 7, no. 1, pp. 75–98, doi: 10.21146/2587-683X-2023-7-1-75-98.
19. Taylor, C. Vovlechennoe uchastie i fon u Khaideggera [Participation and Background in Heidegger]. *Martin Khaidegger* [Martin Heidegger]. Ed. by D. Dorofeev. St. Petersburg.: Russian Christian Humanitarian Academy; 2004, pp. 302–322.
20. Cohen, A. (ed.). *Kant’s Lectures on Anthropology: a Critical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014, 270 p.
21. Frierson, P. R. *Freedom and Anthropology in Kant’s Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003, 222 p.
22. Hanna, R. Life-changing Metaphysics: Rational Anthropology and its Kantian Methodology. *The Cambridge Companion to Philosophical Methodology. Cambridge Companions to Philosophy*. Ed. by G. D’Oro, S. Overgaard. Cambridge: Cambridge University Press; 2017, pp. 187–210.
23. Kristi, E. Sweet. *Kant on Practical Life: From Duty to History*. Cambridge: Cambridge University Press; 2013, 223 p.
24. Loudon, R. B. *Kant’s Impure Ethics: From Rational Beings to Human Beings*. New York: Oxford University Press; 2000, 272 p.
25. Marquard, O. Kompensationstuechtigkeit. Ueberlegungen zur Unternehmensfuehrung im Jahr 2005. in: O. Marquard. *Philosophie des Stattdessen*. Stuttgart: Reclam; 2000, pp. 55–59.
26. Marquard, O. *Glück im Unglück. Philosophische Überlegungen*. München; 2008, 158 p.
27. Moss, L. Human Nature. *The Cambridge Habermas Lexicon*, ed. by Amy Allen, Eduardo Mendieta. Cambridge: Cambridge University Press; 2021, pp. 175–179.

Информация об авторе

Петриковская Е. С. – кандидат философских наук, доцент.

Information about the author

Petrikovskaya E. S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 19.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.

The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 19.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.